

НЕИЗДАНЫЙ

Кружёны

ПОЭМЫ

ФОНЕТИЧЕСКИЙ РОМАН

1920-1940

**Алексей Елисеевич Крученых
Сергей Владимирович Кудрявцев
Алексей Кручёных. Поэмы.
Фонетический роман. 1920–1940**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74147286

Поэмы Фонетический роман. 1920 – 1940: Гилея; Москва; 2025

ISBN 978-5-87987-297-2

Аннотация

«Алексей Кручёных. Поэмы. Фонетический роман. 1920–1940» – издание из серии «Неизданный Кручёных», впервые представляющее подборку крупных произведений позднего периода творчества поэта. В книгу вошли поэмы и уникальный „фонетический роман“: это тексты, в которых главным выразительным средством становится звучание языка, а не привычный смысл слов. Кручёных здесь продолжает радикальные эксперименты с формой, развивая идеи зауми и футуризма в новых художественных стратегиях. Тексты публикуются по архивным материалам и сопровождаются подробными комментариями и иллюстрациями. Издание раскрывает важный пласт „подпольного“ авангарда и показывает, как поэт переосмыслил жанровые границы. Для исследователей русского

авангарда, филологов и всех, кто интересуется смелыми опытами в поэзии.

Содержание

К читателям «Неизданного Кручёных»	8
Поэмы	18
Козёл-американец	18
I	18
II	19
Иоганн Протеза	25
I	25
II	26
III	27
IV	27
V	28
VI	29
Иоганн Протеза в баре	30
I	30
II	33
III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Кручёных

Поэмы

Фонетический

роман. 1920 – 1940

*** * ***

© Книгоиздательство «Гилея», составление, подготовка
текстов, комментарии и примечания, 2025

*** * ***

К читателям

«Неизданного Кручёных»

Имя Алексея Кручёных (1886–1968) обычно связывают с ранними годами русского авангарда, с временем футуризма и кавказской заумной школы, хотя даже известная часть сочинений этого *greatest non-poet*, как его аттестовал в первом собрании стихов и трактатов Владимир Марков¹, выходит далеко за рамки мятежного десятилетия. Причём, по замечанию Николая Харджиева, «прочная репутация „заумника“ способствовала тому, что Кручёных попал в разряд „непонятных“, а потому малочитаемых авторов»². Сегодня, разумеется, немислимо говорить, что он отвергнут или позабыт, но только такой, «привычный» Кручёных (пусть и принимаемый иногда за своего рода алхимика или фальшивомонетчика) и остаётся меткой в культурной памяти и, в конечном счёте, приоритетным объектом внимания и изучения. А уже его деятельность двадцатых годов, отмеченная бегством от беспредметности, сотрудничеством с Лефом, а также популярными брошюрами, нередко осмысливается как нача-

¹ См.: *Markov V. Kručenyh, Russia's greatest non-poet* // Кручёных А.Е. Избранное / *Kručenyh A.E. Selected works* / Ed. and with an introd. by V. Markov. München: Wilhelm Fink, 1973.

² См.: *Харджиев Н.И.* От Маяковского до Кручёных: Избр. работы о рус. футуризме / Сост. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 2006. С. 388.

ло безвозвратного падения поэта в длительный творческий кризис и чуть ли не как пролог к его уходу из поэзии.

И правда, совсем нетрудно поверить, что с наступлением других времён он просто перестал писать. К такому заключению, например, может прийти не очень внимательный читатель единственного в России собрания его поэзии, которое, как и издание Маркова, завершается 1930 годом, последним в его «печатной» карьере³. В предисловии к книге между тем даётся существенное пояснение: «Потом 38 лет отлучения от литературы, но не измены себе, не отказу от своих принципов. 38 лет творчества для себя и для тех, кто был рядом, вернее – с кем он был рядом»⁴. В свою очередь, из разных свидетельств о нём (особенно здесь выделяются циничные очерки Асеева и Вознесенского) сложилось общее мнение, что если Кручёных и не забросил прежние занятия, то они стали для него чем-то маловажным, эпизодическим, – что «грандиозарь» буквально переквалифицировался в библиографа, книжного старьевщика и торговца чужими рукописями⁵. Наверняка не всем приходит в голову мысль, что этот непоэтический род деятельности был для него одним из немногих способов физического выживания. Ситуацию, в

³ См.: Кручёных А. Стихотворения, поэмы, романы, опера / Вступ. ст., сост., подг. текста, примеч. С.Р. Красицкого. СПб.: Академ. проект, 2001.

⁴ См.: Там же. С. 34.

⁵ См.: Алексей Кручёных в свидетельствах современников / Сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. С. Сухопарова. München: Otto Zagner, 1994. С. 70–83, 87–92, 99–100, 133–136, 165 и др.

которой поэт оказался незадолго до смерти, предельно ясно охарактеризовал Борис Слуцкий:

Ко времени нашего знакомства Кручёных был на самом дне. Давным-давно выброшенный из печатной литературы в литографированные издания, давным-давно лишённый и литографии, он был забыт. Не знали даже, жив ли он.

Между тем он был жив и нуждался в одеянии и пропитании. Пусть самых приблизительных⁶.

Словно в укор всем равнодушным или предвзятым суждениям в архивах продолжает храниться богатейший пласт сочинявшегося бывшим заумником «в стол». «Поздний» Кручёных ещё как существует – не повторяющий себя, но и действительно себе не изменивший (что, наверное, и есть самое важное), разве что порой разменивавший свой дар на полудомашние шуточные вирши или на малоудачные попытки писать «на злобу дня». В сущности, он сохранил верность и фундаментальному принципу своей поэтики, сформулированному в совместной с Хлебниковым книге-манифесте «Слово как таковое» (нет сомнений, что этот пункт предложил именно Кручёных): «Чтоб писалось туго и читалось туго, неудобнее смазных сапог или грузовика в гостинной»⁷. И заумь из его произведений на самом деле никуда не исчезла

⁶ См.: Там же. С. 174.

⁷ См.: Кручёных А., Хлебников В. Слово как таковое. [М.]: Типо-лит. т./д. «Я. Данкин и Я. Хомутов», [1913]. С. 3.

— осев в авторской поэтической памяти и став точкой отсчёта, возрождённая в необычной лексике «фонетических романов», она ушла в иные формы, обернувшись сюрреализмом «адских» текстов и абсурдизмом бытовых этюдов, графическими изломами и брутальной звукописью лирики, сюжетами об игре случая и новым словотворчеством. Это по-прежнему большой мастер, что не устал доказывать собеседникам (в том числе Ахматовой) тот же Харджиев. И когда «всё сочинённое» Алексеем Кручёных будет собрано и издано, то вполне может стать очевидным, что его короткий «беспредметный» период был всего лишь ярчайшей предпосылкой к тем произведениям, которые он писал всю последующую жизнь.

* * *

Интерес к позднему наследию Кручёных возник, судя по всему, в конце семидесятых, когда в парижском альманахе «Ковчег» следом за эссе Владимира Казакова «Зудесник» было напечатано стихотворение 1940-х годов «Сон о Филонове»⁸. В начале восьмидесятых фрагмент одного из послевоенных текстов привёл в своих воспоминаниях об Асее-

⁸ См.: Ковчег: Лит. журн. Париж. 1978. № 1. С. 44. Н. Гурьянова, перепечатавшая этот текст, полагает, что Казаков и был его публикатором, см.: Память теперь многое разворачивает: Из лит. наследия Кручёных / Сост., послесл., публ. текстов и комм. Н. Гурьяновой. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1999. С. 414.

ве литературовед Дмитрий Молдавский⁹. Вскоре в альманахе «Neue Russische Literatur» (Зальцбург) появился сборный материал, подготовленный Розмари Циглер¹⁰, а Сергей Сигей (С.В. Сигов) начал серию публикаций в своём с Ры Нионовой самодельном журнале «Транспонанс» (Ейск)¹¹. Среди прочего в нём были воспроизведены вторая версия поэмы «Игра в аду» (1940) и циклы 1943–1945 годов – «Арабески из Гоголя» и «Слово о подвигах Гоголя»¹². В 1986 году Сигей собрал тексты «Кручёныхиады» Феофана Буки – вереницы экспромтов Николая Харджиева, дополненной стихами самого Кручёных и их общими опусами, – и изготовил машинописную книжечку, которую семь лет спустя переиздала

⁹ См.: *Молдавский Дм.* Притяжение сказки: Воспоминания о Н. Асееве, С. Городецком и А. Прокофьеве. М.: Правда, 1980. С. 5. Впоследствии вышел его очерк о встрече с Кручёных, где были процит. уже четыре стихотворения (два объединены в одно), см.: *Молдавский Дм.* Алексей Кручёных // Нева. 1986. № 11. С. 204–205.

¹⁰ См.: *Кручёных А.Е.* Из неопубл. стихотворений // Neue Russische Literatur. 4–5. 1983. S. 83–95.

¹¹ См.: Транспонанс. № 16 (1983). С. 99–116; № 21 (1984). С. 84–85; № 22 (1984). С. 99–138; № 24 (1984). С. 125–132; № 25 (1984). С. 160–189.

¹² Позднее «Арабески из Гоголя» были переизд. Сигеем на типографской основе (см.: *Кручёных А.* Арабески из Гоголя / Предисл., подг. текста и шрифтовая аранжировка С. Сигея. Ейск: Отдел живописи и графики Ейского ист. – краевед. музея, 1992), а «Игра в аду» и оба «гоголевских» цикла были напечатаны крохотными тиражами в изд-ве М. Евзлина (см.: *Кручёных А.* Игра в аду. Поэма вторая / Подг. текста, словесные иллюстрации и послесл. С. Сигея. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2001; *Кручёных А.* Слово о подвигах Гоголя. Арабески из Гоголя / Подг. текста, илл. и послесл. С. Сигея. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2001).

«Гилея»¹³. Чуть позже в вышедшем в Италии научном сборнике он опубликовал подборку стихов Кручёных и Павла Васильева (частично совместных), обращённых к Нине Голицыной¹⁴. В те же годы отдельные поздние вещи были напечатаны в разных периодических изданиях¹⁵; стихотворение середины 1930-х, адресованное бывшему участнику группы «41°» Игорю Терентьеву, добавил в его «Собрание сочинений» Марцио Марцадури¹⁶; три текста привёл в вышедшей в Германии первой биографии поэта Сергей Сухопаров, до этого сделавший ряд публикаций в украинской прессе¹⁷.

¹³ См.: *Феофан Бука*. Кручёныхиада / Предисл. С. Сигея. М.: Гилея, 1993. Исправленный и дополненный автором текст этого изд. опубл. в кн.: *Харджиев Н.* От Маяковского до Кручёных. С. 410–493.

¹⁴ См.: *Сигов С.* Фирма по изготовлению стихов // Рус. лит. авангард: Мат-лы и исслед. / Под ред. М. Марцадури, Д. Рицци и М. Евзлина. Тренто: Ун-т Тренто, 1990. С. 215–225.

¹⁵ См.: День поэзии. 1986. М.: Сов. писатель, 1986. С. 125–126 (публ. С.М. Сухопарова); *Сигов С.В.* Алексей Кручёных и другие // Приазовские степи. Ейск. 1987. № 50. 28 мар.; *Айги Г.* Да, тот самый Кручёных, или Неизвестнейший из знаменитейших // В мире книг. 1989. № 4. С. 51–56; *Пушкин А.К.* «Мирсконца» (Из архива А.Е. Кручёных: стихи, воспоминания, письма Б.Л. Пастернака) // Встречи с прошлым. Вып. 7. М.: Сов. Россия, 1990. С. 500–505, 512, 513, 518.

¹⁶ См.: *Терентьев И.* Собр. соч. / Сост., подг. текста, биогр. справка, вступ. ст. и коммент. М. Марцадури и Т. Никольской. Bologna: S. Francesco, 1988. С. 467–469. Более точная версия текста была опубл. в кн.: Терентьевский сб. 1996 / Под ред. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 1996. С. 305–311. Первоначально ст-ние появилось в итал. пер. в кн.: *Dada russo: L'avanguardia fuori della Rivoluzione* / Trad., comm. e note di M. Marzaduri. Bologna: Il cavaliere azzurro, 1984. P. 255–258.

¹⁷ См.: *Сухопаров С.М.* Алексей Кручёных. Судьба будетлянина / Ред. и предисл. В. Казака. München: Otto Zagner, 1992. С. 128, 131, 132. Из его публ. в пе-

В конце девяностых Нина Гурьянова обстоятельно прокомментировала и поместила в том с мемуарами Кручёных целый блок его стихов, в том числе два «гоголевских» цикла и около тридцати текстов из тетрадей «Борису Пастернаку» (1942)¹⁸. Уже в начале нашего столетия Евгений Арензон представил стихи из машинописного сборника «Московские встречи» (1943), включая интереснейшую автобиографическую поэму «Встречи с художниками»¹⁹. Наконец, в 2010-м сотрудниками Государственного музея В.В. Маяковского был репродуцирован рукописный сборник «Ночные каракули» (1932)²⁰.

риодике прежде всего надо упомянуть большой материал об отношениях Кручёных и Б. Пастернака, где приводится их стихотворная переписка: *Сухопаров С.* «Дорогий Альошо!...» (Борис Пастернак і Олексій Кручоних) // Укрводбудівець. Каховка. 1987. № 96–99; 1988. № 1, 2, 4–7, 11, 14, 15, 17, 18 (на укр. яз.).

¹⁸ См.: Память теперь многое разворачивает. С. 261–309.

¹⁹ См.: *Кручёных А.* Стихи из машинописного собр. 1943 г. «Московские встречи» / Публ. и предисл. Е. Арензона // Футурум АРТ. 2002. № 1 (4). С. 16–30.

²⁰ См.: Взорваль. Футуристическая кн. в собр. московских коллекционеров М.Л. Либермана и И.Н. Розанова: Альбом-каталог / Сост. Д.В. Карпова, Е.А. Пономарёвой. М.: Контакт-культура, 2010. С. 140–151.

Пародия на О. Мандельштама

(с. 20, 1811)

Сегодня дружили
У осин(и) кривых
Сосуды (вспомни) — лис —
Не ждали нас там, тучах

Меня что ждёт? — дай,
Меня не ждёт — что?
Сосед Давиден — дай,
Круша Мандельштам, дай —

и у Крив
Сосуды (вспомни)
Сосуды (вспомни)
(Меня ждёт?)
Меня ждёт?

(Меня ждёт?)
Меня ждёт?

1933.

Васильев П. В.
П. В.

Пав. Васильев
1933.

П. Васильев. Пародия на О. Мандельштама. 1933. Запись и пометы рукой Кручёных, подпись П. Васильева (ГЛМ, фонд П. Васильева)

Здесь дан едва ли не полный обзор тех материалов, которые по крупицам выуживались из архивов в течение нескольких десятилетий. Этот довольно внушительный перечень, к сожалению, не только не охватывает написанного поэтом за годы его вынужденного «подполья», но отражает лишь малую часть того, что должно быть открыто читателям в первую очередь. Не исчерпан сегодня и массив «постзаумного» Кручёных 1920-х годов — сведения о нём ограниче-

ны авторскими печатными «продукциями» и редкими стихами, просочившимися за их пределы, а также единственным дополняющим эти источники недавним исследованием²¹. Выпуски «Неизданного Кручёных» представляют обширный корпус его неизвестных текстов советских лет – это поэмы, любовные и «адские» стихотворные циклы, десятки отдельных стихотворений. Всё это печатается по авторским оригиналам – рукописям, машинописям, черновикам. Самыми неожиданными находками оказались спонтанные поэтические зарисовки, имеющие, по сути, дневниковый характер и не предназначенные даже близкому кругу людей. В сборники войдёт и немного из ранее опубликованного – уже в этом, первом из них, заново воспроизводятся важные тексты, до сих пор фактически пребывавшие «в слепой зоне» (при этом они даются в поздних версиях), ещё несколько вещей появлялось вне тех или иных авторских циклов, которые теперь будут напечатаны целиком. Надо добавить, что при знакомстве с бесчисленными тетрадями и папками архивов трудно избежать ощущения, что Кручёных затеял с нами очередную игру – только куда более изощрённую, чем его заумь и всевозможные весёлые выходки²². Сумбур

²¹ См.: *Хачатурян Л.В.* Жизнь после Лефа. Рабочие тетради Алексея Кручёных 1927–1930 годов // Рус. литература. 2023. № 4. С. 230–235.

²² Поэт Лев Озеров писал: «Он никогда не паясничал, хотя что-то озорное жило в нём. Что-то детское. Это был ребёнок, дитя. Игрун. До старости лет. Он не вырослел. С годами это озорство стало заметным. Бедствовал и озорничал» (см.: Алексей Кручёных в свидетельствах современников. С. 145). Об одной из таких

в записях, обилие редакций, паутина сменяющих друг друга правок, почти непроницаемый почерк черновиков делают работу над подготовкой изданий малопредсказуемой и потому чрезвычайно увлекательной.

Пока намечено три-четыре выпуска «Неизданного Кручёных», но финальная точка в проекте не обозначена. План серии может быть расширен как более глубокими разысканиями, так и новыми идеями, которые, скорее всего, внесут коррективы и в её жанровые или временные границы. Не исключено, что наши «продукции» пополнятся образцами прозы, письмами, неизвестными ранними экспериментами или же, например, агитационными стихами, затерянными в азербайджанских советских газетах. Безусловно, в проекте смогут принять участие любые «друзья Кручёных», готовые поделиться такими открытиями. В заключение хочу поблагодарить Александра Умняшова, без чьей активной помощи эта работа вряд ли смогла бы продвинуться дальше самого общего замысла.

С. Кудрявцев

выходок рассказала дочь поэта Якова Шведова (речь идёт о 1950-х годах): «Наверное, он был человек озорной. Сейчас, по истечении стольких лет, мне так кажется потому, что проходя мимо нас, детей, игравших во дворе, или при встрече с ним на лестничной площадке нашего дома, он ещё глубже засовывал руки в карманы, поднимал плечи, сводил брови и кричал. Да как кричал! Это производило на нас, малышей, жуткое впечатление. При виде нашего испуга глаза его начинали смеяться, и он ещё раз кричал, но уже не „угрожающе“, а удовлетворённо» (см.: Там же. С. 130–131).

Поэмы

Козёл-американец (*Фантастическая поэма*)

I

Потеплевший фарфор матовой девушки
Прикоснулся к щеке
Франта с бледным безусым лицом
И синевой вокруг губ,
Но, страстно целуя его в шею,
Она заметила щель,
И, не веря,
Что на любовнике маска,
Невеста тревожно спросила:
– Но... разве вы не настоящий?
Отчего же лицо у вас так плохо одето?
Или мне померещилось?.. —
А тот, визгливо подпрыгнув,
Завопил замороженной крысой:
– Это я! Это я!
Лесной царь Самочкин! —

И на эмали камина
Мелькнул короткий хвост
Под козлиным копытом,
Острым пируэтом
Исчезая в трубу!..

II

По запутанным переулкам
Восточного города
Вдоль старых башен
Скользнула дверь —
Поменявшись местом
С окном,
И ещё перескочили
Два этажа,
Загородившись
Длинными буквами.
— Не удивляйтесь, —
Сказал мне студент-технолог, —
Это реклама!
Ведь мы живём в Баку,
Самом американском городе!
Здесь ничего не жалеют,
Чтоб выдержать СЛОГ,
И в Девичьей башне,
Тёмной, старинной,

Где Ханума спасалась
От ласки степного отца
В чёрном лекарстве моря, —
Устроен весёленький дом
И серная баня.
А вот поглядите:
В нарывно-зелёном лице персиянки²³
Под чадрой
Зреют кровавые веки —
Вполне современный шпинат! —
И, подумав, добавил:
— А ещё Вы увидите
Козью дочку —
Вся история ея нацарапана на пяточке
Персидскими вензелями,
Но их трудно прочесть —
Надо в совершенстве изучить фехтование! —
В это время
Перебежала улицу винтовая лестница,
А за нею
Из-под моста
Выкатился бочкою
Чёрный лохматый бугор.
Вглядевшись, я разобрал,
Что это толстый козёл,
До того жирный,
Что копыта терялись
На уровне живота.

²³ Варианты: зазывающей потаскушки; попрошайки.

А за толстяком
Шагало
Стадо чёрных и серых коз.
Докатившись до перекрёстка,
Козёл поднялся на дыбы
И стал танцевать
Священный танец
Фаллических жертвоприношений.
Две чёрных козы,
Вытянувшись на задних ногах,
Стройные,
Точно одетые в трико
Амазонки,
Разнузданно²⁴ вторили его пляске.
Изнемогавший козёл простонал:
– Я треснул, как эти древние камни,
Лбом проламывая путь в Чадростан!²⁵ —
В неистовстве упавший наземь,
Козёл распорол ногами
Свой круглый живот
И сел,
Разрывая копытами нутро.
Горячий ком²⁶ подкатил под бок.

²⁴ Вариант: залихватски.

²⁵ Строка сопровождается коммент. на полях: Страна, богатая чадрами!! Увы.

²⁶ Вариант: буйвол.

8
6 7
РАЛЛИЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ.

ДВЕ ТЕРНЫХ КОЗЛ,
ВЫТЯНУВШИЕСЬ НА ЗАДНИХ НОГАХ,
СТРОЙНЫЕ,

ТОЧНО ОДЕТЫЕ В ^{Драго} ~~В~~ ОРАКИ
АМАЗОНКИ ^{вместе}

РАЗМУЗДАННО ВТОРИЛИ ЕГО ПЛЯСКЕ.

ИЗ НЕМОГАВШИЙ КОЗЕЛ ПРОСТОПАЛ:

«ТРЕСНА, КАК ЭТИ ДРЕВНИЕ КАМНИ,
АБОМ ПРОЛАМЫВАЯ ПУТЬ В ТАДРАСТАН!

С ОПАЧЕНЕЛЫХ КРЕСЕЛ

НАЯВЛИЛИ СТАРУХИ И ДАМЫ

СОТНО ЖУГУЮЩИЕ СДЕЛЫМ КОСЯК. -

Я ЗЕМАЮ ПРОПРЮ ПОДНИМИ НАСКВОЗЬ

БРОСИТЬ ПОД НОГИ ТУТУННЫЙ ОГОНЬ! -

В НЕИСТОБСТВЕ УПАВШИЙ НА -ЗЕМЬ,

КОЗЕЛ РАСПОРОЛ НОГАМИ

СВОЙ КРУГЛЫЙ ЖИВОТ
И СЕА,

Дамы, зачѣсанные в бинокли,
Любовавшись зрелищем,
Вскрикнули:
— Фи, какой гадкий козлюн! —
И, разомлелые от воспоминаний,
Перегнулись с балкона на мостовую.
На каменной челюсти²⁷ здания
Осталась только одна,
С ужасом смотревшая
На вылезавшие из лобика дочурки
Молочные рожки.
А муж её,
Мутно-бледный аристократ
С треугольником красного носа,
Схватив ребёнка,
Вздёрнул, как белого паяца,
И стал им вертеть.
С хохотом вскочил на черепичную крышу
Старого готического дома,
Размахивая дочкой.
А она удлинялась²⁸
То серым полотенцем,
То воздушною кисеёй,
Касаясь земли,
И голова стала
Как чёрный

²⁷ Вариант: губе.

²⁸ Вариант: вытягивалась.

Перекошенный молоток.
Отец кричал,
Злостно прищемив
Своё лицо к даме
И указывая на парной трупик:
– В последний раз плюю на всех,
Вот моя навечная месть!
Целуй теперь своего ублюдка²⁹,
Козлячая любяшка!..³⁰

1920–21 г.

²⁹ Варианты: свою дочурку; чернавку.

³⁰ Вариант: чертяшка.

Иоганн Протеза

Помни о войне!

I

Вы думаете, – я натуральный?

Ты-ся-ча чер-тей!

Я – Иоганн Протеза!..

Всё тело – в деревяшках,

я облицован медью,

а скрепы – проволока и сталь!

Я по утрам скребусь песком,

и начищаюсь мелом

и смазываюсь маслом,

как наган!

Подпрыгиваю,

сияю весь,

как на параде солнечном

тромбон!..

Отто Дикс. Военные калеки. Офорт. 1920

II

Прислушайтесь, —
не пьяный негр чечётку чешет, —
то весело суставчики мои звенят!
Шарниры, гайки – первый сорт,
в груди все рёбрышки – отличнейшей чеканки,
курю и пью я через шланг —
в работе фабрик специальных
нет изъянки!

III

Погладьте:

я хорошо зачерепашен,
не мёрзнут руки – камышовые клещи,
не знают пальцы ревматизма,
мясо лишь на щеках
стервец-мороз клюёт
то ласковой, то крепче!..

IV

Смотрите —

на визжащем ролике
Кузькиной подскокой
качусь по тротуару
в плоском тазике,
и, словно гильотина,
вскользну по цементу
в молящуюся церковь.

Там под мычание органа
зажмуриваю глаза
и масляно примериваю,
смакуя,

ту массу мяса
свиней в сметане
для наслойки на себя.

Вылезают от ужаса
и студенеют глазюшки
у женщин —
телес постельных,
и мужчины
судорожно,
как перед дуэлью,
запахивают воротники...

V

Смеюсь...
Зачем я бегал за врагом,
когда он тут,
перед отгрызенным войною носом?
Зажму,
зашаркаю вставными челюстями,
чтобы не впиться в икры
и —
задний ход!

Я уезжаю громко,
напрягая все пружины.

Смотрю в плевательницу,
оправляю волосы
и —
вскачь домой
в сундук.

VI

Когда ж развинчиваюсь на ночь,
снимаю
кости по порядку,
скулу и ухо – в формалин,
устраиваю локти.
Со мною остаётся голова
– а в ней восьмушка мозга —
желудка два отростка,
кусочек лёгкого,
печёночный пупок
и сердце —
тикалка
на часовой цепочке...

1924 г.

Иоганн Протеза в баре

I

В электро —
горчичном
фонтане
призмы сцен,
флаконом
зорко
кисти разорвав,
тушью Попи —
Марианна
мёртвый чуб!
Рисуй жирафою:
в улыбок марле
ломаешь руки
на эстраде
и в шевелюры
шарикоподшипником
зрачок пролезь!
Ноги#
кривую саблю
добросила
к проигранно —

слезящейся серье!
У позвонков играй подвязкою.
Колючей проволокой
локти
в крик!
В шелках
до горечи
сечёшься бёдрами —
припадочное банджо!..

——

Глазатый визг...
Захлёбнут зал
глотком восторга...
— Бис! —
Сквозь страх свечей
хлыстом
просвистнет соло!
Всему возможная
ошпаришь
зелёным завитком!
Затылок о колени
при-со-во-куп-ляй
шарф!
Плашмя
зашляпной плахой
ресничьей шпилькой
прокрюгочь!
...шарф

в жирах
под ноги
куафёр
шарк!..
И —
взбесишься под люстру!
Утопленницей света
повисла
на софите
и —
за потолок
зашарь ногой —
расширенный прыжок...

...

А в братской яме
загорожен
душевно нюнит
в поношенном экстазе
мотив Гавайи
недосыпающий оркестр...
крысиным вписком,
тискóм,
доской тоски
притиснутый
в зашлюзь...

II

Подошвой шаришь
среди гостей башмачномордых,
двупузых,
о, Марианна,
черногубка,
чечётки Мадонна —
— даёшь парижанку!..
Эрст класс
кляц!..
Зря,
скрипя колёсами,
к тебе навстречу
— пламя скипидара
в кровь —
привскоком,
как сочный окорок,
залакированную ножкой
пляшу на стойке
в шумах дымов
и ядовитых смесей
среди эротических растух
над обелисками
залысенных
пропоиц!
Я вызов шлю

ногастым кавалерам —
кто исступлѐннее,
захлѐбнее
забьѐтся
К А М Б А Л О Й
влюблѐнности
до сковородок?!?

III

О, мой добрый Рейн!
Я вечно верен тебе...
За волны твои
виноградникам твоих берегов
отдал
настоящие
руки
и ноги!
Что ещё предложить
тебе,
Марианне...
Марихен?!
Смотри, моя родинка,
булыгой черепов
и золотом
выброшенная
на скатерть,

дымящую шампанским
и шпорой
поцелуев!
Смотри,
овечка,
сбрившая брови
по заказу
Квазимодо мод, —
вот пляшет
моё никелированное
сердце
на цепи!
К щиколотке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.